

«Знай, в словах этих правда есть!»

Начнем с того, что при первом чтении наш современник в «Словах назидания» не найдет ничего нового – просто свод самых обычных правил, затрагивающих в первую очередь мораль и нормы поведения. Тема и в переводе не отличается привлекательностью – назидания-наставления – налицо дидактический, поучительный характер произведения, что отнюдь не способствует намерению его изучить или хотя бы прочитать.

Однако в первых строчках автор как бы «угадывает» подобное читательское поведение и приглашает: «Прочтите эти строки без равнодушия, и вы проникнитесь ко мне любовью». Автор предупреждает, советует читать его произведение не в качестве назидания или наставления – Абай и по духу, и по интонации никогда не ставил себя над народом, и поза поучающего наставника была для него неприемлема.

Интрига сегодняшнего обращения к «Словам» Абая в том, что с момента написания и до сегодняшнего дня это произведение считается до конца неразгаданным.

Казахские ученые до сих пор окончательно не определились с объективной формулировкой жанровой сути «Слов назидания» Абая, а также с текстологической, художественно-концептуальной структурой произведения. Ничего не изменилось со времен, когда Мухтар Ауэзов признался: «Трудно назвать жанр: и философско-моралистические и общественно-публицистические и изобличительно-сатирические высказывания поэта».

Предлагаю увлекательное «путешествие» в мир словесных образов, оставленных Абаем. Как знать, возможно, одному из наших современников удастся разгадать, что кроется за признанием Поэта: «Я – человек-загадка».

Уникальность литературного наследия Абая проявилась в том, что:

- для тюркской литературы, казахской в особенности, преимущественно эпического характера – «обнажение души» – явление беспрецедентное, исповедь как поэтическая формула - да, но признание в изъятиях, в свершении неверных поступков-решений - нет;

- по фактуре и характеру «Слова» не одинаковы, не одноразмерны, не однородны;

- по проблеме: проблемы национального воспитания и мировоззрения, морали и права, истории казахов;

- по миссии: миссия первопроходца, соответственно, не передает-

ся по «наследству» или от преемников: Поэт ее ощущает сам и добровольно ее на себя возлагает, не имея «возможности» обсудить с кем-то правильность/неправильность предпринятых шагов.

Загадка-шифр: что хотел сказать Абай и что «сказалось»? Как прочитали авторское послание современники поэта, и как понимают его потомки? Какой смысл добавляется при переводе? Какая «правда» кроется в этих 45-ти словах Абая?

Есть мнение, что проза Абая – своеобразный ключ-комментарий, «расшифровка» его же стихов. Действительно, налицо идейно-тематическое сходство, на фоне которого выявляется разница в форме выражения и в разной степени остроты критики. Критика в лирике гораздо острее, обобщенней, целенаправленней и весомее. Смягченность тона бичевания пороков в прозе частично объясняется тем, что Абай свои беседы адресовал людям старшего поколения и ближайшим единомышленникам - последователям.

Попробуем подобраться к разгадке через расшифровку заглавия.

Существует два варианта на казахском языке и несколько вариантов перевода на русский язык.

Из всех изученных мной переводов более убедительным мне кажется этот: слово «кара» в ближайшем контексте сопоставимо с синонимическим рядом словосочетаний: «кара өлең», «кара-пайым», «кара бала», «кара домалақ», «кара-байыр» и т.д. Речь идет о нарочитом подчеркивании простоты, доступности, несложности, «народности» последующего материала. В оригинальном (т.е. в казахском) заглавии «Қара сөздер» подчеркнут тот факт, что произведение написано не звучными рифмами, не стройными поэтическими куплетами, а простыми, ясными для всех («карапайым», «карабайыр») словами – в формате устного диалогического обращения.

Почему этот вариант толкования представляется более убедительным?

В стихотворениях Абай, поясняя значение своих слов, который «темен» - непонятен пока для большинства, часто употребляет выражение «слова простые», «простую речь мою послушай».

Таким образом, в заглавии «Қара сөздер» термин «кара» (чёрный) в сочетании с термином «сөз» (слово) включает по крайней мере три обозначения:

- простоту-доходчивость содержания;
- прозы, в отличие от рифмованной речи и текста;
- значительность, важность, первостепенность (от тюркской традиции).

Другое название – «Ғаклия» (назидания) – во многом дублирует

значение первого, выступая своеобразным синонимом. Абаеведы чаще так и используют оба заглавия взаимозаменяя их. «Ғаклия» подчеркивает элемент эссе-размышления с расчетом на доходчивость до ума и сердца читателя, не требуя много времени для чтения. Интересны комментарии внимательного исследователя А.Кодара, который предлагает перевести эту лексему как «Размышления», нежели «Назидания» и выдвигает свой вариант перевода «Қара сөздер» – «Размышления или монологи», где первое слово означает название, а второе – жанр прозаических этюдов.

Некоторые исследователи с трактовкой определения «Ғаклия» связывают русский аналог «поэтическая проза».

В спорах о жанре, вернее, о соотношении абаевского цикла с традиционными жанровыми формами, авторитетные критики и литературоведы в исследовании жанровой природы «Слов Назиданий» Абая сходятся в мнении, что не существует четкого понимания жанровой специфики «Қара сөздер» Абая.

По сути дела, «Книга Слов» Абая – не назидания, а размышления, суждения, то, что обозначают словом эссе и близкое ему - этюды. Следуя устойчивой в абаеведении традиции, в «Қара сөздер» представлены зачатки прозы в истории казахской литературы.

Как воспроизвели переводчики наименование «Қара сөздер»?

- Сатимжан Санбаев: «Слова Назидания».
- Виктор Шкловский: «Слова - назидания».
- Клара Серикбаева и Роллан Сейсенбаев: «Книга слов».

Мне показалось уместным озвучить все жанроопределяющие термины, которые встречались в изученных мною источниках:

- 45 кратких притч и философских трактатов;
- 45 заповедей в поэтической форме;
- прозаическая поэма;
- поэтическая проза;
- дидактическая проза;
- философские раздумья;
- большой поэтический цикл;
- исповедь-диалог;
- сцепление афоризмов;
- фрагменты;
- грустная беседа «с глазу на глаз».

Ясности мои поиски не принесли, могу сказать о некоторой тенденции в желании ученых обозначить жанр: от четких жанровых терминов (притча, трактат, поэма, цикл, исповедь) до околонучных определений (беседа, диалог, раздумья, размышления, мысли).

Приводятся также ассоциации с похожими по форме и функции произведениями других литературных традиций:

- «билик» – меткое изречение, рассказ о жизненном примере, имеющем форму образца (в чингизовской традиции);
- афоризмы и максимы, исповедь (по европейской традиции);
- «Книга слов».

Безоговорочно склоняются к заключению, что в «Словах назидания» Абай поднимает проблемы национальной судьбы и пытается их решить в форме разговора-беседы с читателем. И еще один признанный исследователями общий вывод: перед нами чрезвычайно глубокий и ответственный жанр, требующий от писателя искренности и предельной честности, по сути перед нами «обнажение души» человека, поэта и философа.

Облекая свое итоговое произведение в форму послания, Абай, одновременно, публично высказывается перед лицом мира и, в то же время, своей собственной совестью. Такая жанровая традиция, действительно, известна в мировой литературе со времен Марка Аврелия, Петра Абеляра, Блеза Паскаля и Жан-Жака Руссо.

Однако подобная форма, новаторская и по форме, и по содержанию, не предусматривает наличие прямых аналогий: на то она и признана уникальной, новаторской. Жанр «Слов назидания» может быть охарактеризован лишь описательно: своеобразный, специфический жанр назиданий (гаклия), включающий в себя элементы философских рассуждений, пламенной публицистики, благородных дидактических наставлений, был абсолютно новым культурным феноменом для казахской словесности в самом начале своего формирования. «Слова назидания», изложенные в простой, понятной форме, распространились среди простого народа, формируя более высокую нравственность, просвещая местных жителей. Фундаментальность произведению казахского акына и просветителя придавали поднимаемые им проблемы национального воспитания и мировоззрения, морали и права, истории казахов.

Пограничная ситуация между Востоком и Западом, в которой исторически объективно оказался казахский просветитель и которая, по сути, формировала его мировоззрение, привела к тому, что он одновременно глубоко воспринимал достижения как европейской, так и восточной культур, вырабатывая на этой основе некий синтетический образ мира и деятельности в нем.

Если для Запада принципом постижения действительности было «изменение мира», для Востока – «познание себя», то Абай выдвигает новый подход: «будь человеком», что является константой его миро-

воззрения.

Проникновенный характер «Словам назидания» придают вопросы, направленные к читателю, воспринимаемые как приглашение к собеседованию.

Исповедь – чрезвычайно ответственный жанр, требует от писателя предельной честности и искренности: «Чем теперь заняться, как прожить оставшуюся жизнь? ... Наконец решил: бумага и чернила станут отныне моим утешением, буду записывать свои мысли».

Горечь, наполняющая весь текст, исходит из авторского ответа-признания: не найти единомышленников, никто не вступит с ним в откровенный разговор. Он не раз убеждался, что современники оказались глухи к провидческому голосу поэта. Эту горечь-печаль первым почувствовал М. Ауэзов, назвав Абая не только «гневным судьей», но и «печальником народа», и в таких случаях часто его «сезь» превращаются в скорбную исповедь человека, обреченного на одиночество в мрачный век господства беспросветной тьмы».

Приобретая по воле автора характер беседы со своим читателем, то мирной, то иронически-желчной, то глубоко грустной, даже удрученной, эти «сөз» («слова») – своеобразный плод «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет», и философия жизни отдельного человека на фоне судьбы народа. Создаваемые на протяжении девяти лет сорок пять «слов» своих бесед, размышлений и рассуждений, сокровенные, выстраданные думы, чаяния и скорбные жалобы Абай передает «бумаге и чернилам»: «станут отныне моим утешением... Может быть, кому-то придется по душе какое-нибудь моё слово и он перепишет его для себя или просто запомнит, если нет – мои слова, как говорится, останутся при мне». [Слово первое].

По авторитетному мнению эксперта в области культуры, книговедения, психологии чтения В.О. Скитневского, «Слова Назиданий» Абая – «книга сложна для восприятия неграмотного человека. Она требует хорошей интеллектуальной подготовки. В каждой ее строчке автора «выдает» уже сложившийся статус мыслителя».

В качестве подтверждения правомерности подобного заявления можно взять любые цитаты из «Книги слов»: «Человек рождается на свет с плачем и уходит скорбя» [Слово четвертое]; «Человек набирается ума, запоминая слова мудрых» [Слово девятнадцатое]; «И мы не придумываем науку, она появляется как результат наших ощущений, наблюдений и размышлений о созданном вокруг нас и организованном для нас мире» [Слово сорок третье].

Нравственно-этические взгляды Абая не были плодом исключительно личного наблюдения за жизнью и общественным устройством

казахов. Абай основательно изучал труды философов древности Платона и Аристотеля, а также сочинения немецких философов Нового времени – Канта, Гегеля, Фейербаха. Этические и эстетические проблемы, при всей их важности не могли быть решены безотносительно к решению более общих вопросов философии.

Одним из таких вопросов был вопрос об общих основаниях бытия и познания, Бога и человека. Мудрый Абай любил повторять слова пророка Мухаммеда: «Хороший человек тот, который приносит пользу людям» («Гаклия» – «Слова назидания», Слово тридцать восьмое); к нему самому как никому другому можно отнести эти слова.

Чувство быстротечности жизни пронизывает всю поэзию Абая. Везде ощущает текучесть, мимолетность каждого явления, поэтому автор так пристально вглядывается в окружающий его мир. Смена времен года – символ собственного жизненного пути от рождения к смерти, который только миг в круговращении всего сущего на земле. Реальные картины жизни казахов, их миропонимание, тоска и скорбь, идеалы и стремления казахского народа предстают на страницах лирики и эпической прозы национального акына.

В абаеведении неоднократно предлагались различные классификации, позволяющие выделить тематические группы. Первая: об общественном строе, административном управлении форме правления в степи. Вторая: об образовании, усвоении знаний и воспитании. Третья: тема труда. Четвертая: гуманист резко бичуя своих современников за антиобщественные, аморальные поступки, за безнравственное поведение. Пятая: вопросы религии. Выделение весьма условное, поскольку появление каждой темы продиктовано определенным поводом, ситуацией, и в каждом Слове может быть представлено одновременно 2-3 тематические группы.

Не ставлю задачу - подробно разъяснять смысл каждого Слова: много научной литературы посвящено комментарию этого многозначного философского произведения. Остановимся лишь на некоторых моментах, которые, на мой взгляд, требуют некоторых уточнений в их понимании.

Итак, «Первое слово». Оно выполняет вводную функцию - объясняет и настраивает читателя на «правильное» чтение: «Но вот, когда уже виден конец пути, когда обессилел и устал душой, я убеждаюсь в бесплодности своих благих стремлений, в суетности и бренности человеческой жизни».

Следующие - «Второе»; «Третье»; «Восьмое»; «Десятое» - поднимают проблему общественного строя, административного управления в степи. Можно предположить, что эта тема особенно заботила

Абая, к ней он обращается довольно часто, иногда в контексте с другими темами. Развернутая критика «волостных правителей» в «Третьем слове»: «Волостные правители добивались своего положения хитростью и коварством, - и поддерживали неправых, ибо с подобными себе лучше дружить, чем враждовать, хитрость беспредельна - не определить, кто кого обманет завтра» - продолжена в «Восьмом»: «...они считают себя верхом совершенства и уверены, что вправе учить людей. И, конечно, бию и волостному тут на руку их власть». В «Двадцать втором слове» тема получает завершающую форму оценки-приговора: «Можно бы почитать биев и волостных правителей, но они получили власть не от бога. Они купили ее или выпросили. Как после этого заставишь себя склонить голову перед такими?».

«Десятое слово» - «Используйте же его (богатство) для получения знаний. Не способны сами, так пусть это сделают ваши сыновья, ибо без науки нет жизни ни на том, ни на этом свете. Без нее ничего не стоят ни молитвы ваши, ни посты, ни паломничество».

«Двадцать пятое слово» - пропаганда русской культуры, русской науки, необходимейших для просвещения казахского народа: «Больно от того, что казахи, обучившие своих детей по-русски, норовят при помощи их знаний поживиться за счет своих же соплеменников». Прямой и горячий призыв Абая-педагога к родителям: «Не торопись женить и выделить сына в отдельную семью, а обучи его сперва в русской школе. Пожертвуй всем своим имуществом, если это требуется для учебы. Ничего нельзя жалеть ради того, чтобы из сына вышел человек. Не будет успокоения тебе, если сын останется невеждой, не будет счастлив он сам, и не будет от него блага народу».

«Двадцать седьмое слово» композиционно воспроизводит речевую ситуацию диалога: диалог Сократа с его учеником на тему о том, какими высокими качествами наделил бог человека в отличие от животных и каким «вечным должником» бога является человек вследствие того, что он «удостоен его любви».

«Тридцать второе слово»: как и для чего приобретать знания, овладевать наукой, - выражает глубокие и оригинальные мысли, доказывающие плодотворную силу любви к науке, жажду познания, и ни с чем не сравнимую цену труда и поисков, а также безмерность наслаждения, получаемые при этом. Воспитание в детях благородных человеческих качеств Абай также связывал с обучением, с образованием, с живым интересом к науке. Ставит целый ряд условий для правильного научного познания. Прежде всего, казахский просветитель выступает за развитие положительных наук.

Не признавая науку в отрыве от практической деятельности лю-

дей, Абай выставляет требование: наука должна быть тесно связана с жизнью народа, облегчать его трудовую деятельность, содействовать его экономическому развитию - в этом видел он «положительный» результат науки.

Удивительно: Абай в своих трудах пропел гимн науке в стране, где почти не было грамотных; он страстно верил в разум, хотя был представителем народа, не имевшего в конце XIX века ни одного высшего учебного заведения; он насаждал прекрасное на земле, не знавшей ни одного театра и насчитывавшей 9 книжных лавок на не-обозримой территории.

«Тридцать седьмое слово»: «Будь моя власть, я бы отрезал язык тому, кто утверждает, что человек неисправим», - с глубокой убежденностью писал он в «тридцать седьмом слове». Сцепление 23-х афоризмов, не имеющих прямой связи с основной тематикой бесед-размышлений, выраженных в других «словах», - как будто рассчитано на быстрое запоминание с последующим усвоением. Количество афоризмов, реалий и крылатых слов, созданных Абаем и рассеянных по его страницам, велико.

«Тридцать восьмое слово»: «Теперешние муллы не терпят ученых, - это выдает невежество священнослужителей, склонность их к низменным вещам... для достижения своей цели они используют любое средство. Обманом и хвастовством сбивают с толку людей. Вот и судите: какая от них польза людям. Нет, муллы превратились в недоброжелателей своего народа».

Резко отличается от остальных «слов» тем, что оно объемом в пятнадцать-двадцать раз превышает обычный объем других его «слов» и является, в сущности говоря, пространным философским трактатом о религии, науке, этике.

Пространное рассуждение о жизни и о человеке Абай начал с обращения к детям, вложив в него самое теплое, сокровенное чувство. В нем и любовь, и надежда, и наставления молодому поколению. «О дети, утешение моего сердца! Все, что я написал о человеческом характере и жизни, оставляю вам на память. Прочтите эти строки без равнодушия, и вы проникнетесь ко мне любовью. Стремление к истине и постижение ее рождаются высоким сознанием; сознание же человека определяется его человечностью, умом и интересом к науке».

Зачин «Тридцать третьего слова» категоричен как назидание: «Чтобы жить в достатке, надо учиться ремеслу. Ремесленника, который трудится в поте лица и продает то, что сделал своими руками, можно считать лучшим из казахов». В «Сорок втором» и «Сорок третьем» назидании Абай развивает тему труда «Пристрастие казаха к

дурному объясняется бездельем: «Если бы он занимался хлебопашеством или торговлей, у него не оставалось бы и мало-мальски свободного времени на глупости»; «безделье же превратило казаха в бродягу». Страстно призывая к честному труду - к ведению хозяйства, к овладению ремеслом, к занятию земледелием, скотоводством - Абай создает благородный образ честного труженика. Философски осмысливал Абай высокую роль и значение труда в жизни человечества, он убежден: «Ум и знания являются плодами трудовой деятельности человека».

Последнее «Сорок пятое слово» Абай закончил словами: «Ученый и мыслитель - гордость человечества. Ими становятся те, у кого больше чувств и ума. Мы не придумываем науку, она появляется как результат наших ощущений, наблюдений и размышлений о созданном вокруг нас и организованном для нас мире». Гуманист, резко бичуя своих современников за антиобщественные, аморальные поступки, за безнравственное поведение, винил во многом местных волостных правителей и биев, которые не только не прислушиваются к добрым советам и наставлениям, но и активно разжигают низменные страсти, а также осуждал богачей, которые считают, что «все можно купить за скот», что «честь, бесчестье, разум, наука, вера, народ для них не дороже скота». К числу тех, кого осуждает гражданское сознание истинного гуманиста, им были отнесены воры, злодеи, мошенники: «Ведь бедняку и без того хватает печали и горя, с которыми не знакомы эти прохвосты».

Идеалист-философ, в своих нравоучениях «он ссылается иногда на моралистические догмы ислама. Но при этом каждый раз апологетику ислама он истолковывает в духе рационалистической морали» (М. Ауэзов). Что же касается его отношения к служителям ислама - муллам, хазретам, ишанам и т.д., то оно у него было сугубо критическим, даже саркастическим.

А. Байтурсынов отмечал: «Слова Абая действительно нелегки для понимания и осмысления. Однако это происходит не от того, что Абай не умел высказывать мысль, а вследствие неподготовленности самого читателя к восприятию глубоких мыслей. Выходит, вина не в писателе, а в читателе. О чем бы ни писал Абай, он проникает в самую глубину, раскрывая внутренние и внешние свойства. А так как он пишет с глубоким знанием предмета разговора, то написанное им является как бы испытанием на знания и зрелость читателя. Если читатель анализирует слово, то это слово экзаменует самого читателя».

Лекция подходит к концу. Разгадали ли мы загадку послания Абая? Может, подошли к самому порогу? В любом случае, сам поиск

предполагал «работу Разума и Сердца», что мечтал увидеть в своих потомках Абай.

В заключении хочу поделиться своим «открытием» после прочтения любопытного исследования культуролога и общественного деятеля Ермака Аманшаев, который проводит убедительные параллели между знаменитым произведением Мишеля Монтеня «Опыты» и «Словами назидания» Абая Кунанбаева. Действительно, начало книги «Опытов» почти буквально совпадает с Первым Словом Абая (или: наоборот): «... Это искренняя книга, читатель. Она с самого начала предупреждает тебя, что я не ставил себе никаких иных целей, кроме семейных и частных. Я нисколько не помышлял ни о твоей пользе, ни о своей славе. Силы мои недостаточны для подобной задачи... Таким образом, содержание моей книги – я сам, а это отнюдь не причина, чтобы ты отдавал свой досуг предмету столь легковесному и ничтожному. Прощай же!».

«Открытие», «загадка» - в словах философа Монтеня: «содержание моей книги – я сам».

И чем больше мы вчитываемся в послания Поэта к своему читателю, тем больше приближаемся к пониманию его личности. А в процессе поиска-разгадки познаем себя - таков Путь, открытый нам основателем «прорывного» жанра в казахской национальной литературе.

И в этом ЕГО правда: *«Знай, в словах этих правда есть!»*